

ВЗГЛЯД НА ЦЕЛОЕ *

Две тени — тень академизма и журнализма — довлеют над чувашской критикой последнего десятилетия. Книга Ю. Артемьева, несмотря на свое сухое и дежурное название, представляет собой один из немногих образцов живой критики, которая способна найти и находит контакт с читательской аудиторией. Критик не чурается злобы дня, и сфера его интересов в основном покрывает движущуюся чувашскую прозу. Однако при этом он не забывает о внутреннем единстве литературного процесса, о том, что как крона дерева питается соками от корней, так и нынешнее состояние литературы должно быть рассмотрено на фоне прошлого. Таким обогащающим и неисчерпаемым опытом для молодого критика стало обращение к чувашской поэтической классике. Константин Иванов, Михаил Сеспель, Николай Шелеби, Василь Митта — вот те высокие при-

* Ю. М. Артемьев, За правду жизни и выразительность образов. Критические статьи и рецензии, Чувашское книжное изд-во, Чебоксары, 1984, 128 стр. (на чувашском языке).

меры служения искусству и идеалу народного, которые держит в своем сознании критик, вглядываясь в пеструю рябь текущей литературы. Подобное образование души классикой закономерно, и даже можно сказать, что оно стало своеобразным знаменем современной критики. Так обретается полнота взгляда.

Вопрос об особенностях романтизма К. Иванова, автора наиболее завершенного, классического произведения дореволюционной чувашской литературы — поэмы «Нарспи» (1908), — затрагивается критиком в статье «Истина жизни или романтизм?». Трагическое ощущение мира, характерное для чувашского поэта, не прожившего и полных 25 лет, изображение противоборства сил добра и зла резкими, несовместимыми красками, постановка главных героев поэмы в безвыходную, критическую ситуацию — все это действительно можно как будто объяснить в рамках романтического миросознания. И в то же время само действие поэмы проецируется на чуткий, оду-

хотворенный пейзаж. В «Нарспи» лик природы со своей глубокой, тайной и идеальной красотой противостоит миру людских страстей, хотя и в известной степени зависим от него. Выделяя и акцентируя в творческом методе К. Иванова яркие признаки именно романтического чувствования жизни, в небольшой статье критик сумел показать направление дальнейшего исследования этой темы.

Иную стадию романтического сознания Ю. Артемьев анализирует в статье «Революционный романтизм Мишши Сеспеля». Первые послеоктябрьские годы породили целую плеяду мастеров слова, которые декларировали в своих литературных опытах принципы романтического мироустройства. Это была своеобразная и яркая школа чувашского неоромантизма. Но среди всех их наиболее яркой поэтической личностью, с почти гениальным ощущением судьбы народной, был безусловно поэт-провидец, поэт «огненного сердца» Мишши Сеспель. Останавливаясь на существенных моментах его поэтики, критик обращает особое внимание на контрастное столкновение образов-символов, связанных со стихиями ветра, морских волн, солнца, света, новой зари, огня.

Соглашаясь с конкретными характеристиками стиля и творческого метода К. Иванова и М. Сеспеля, в то же время

заметим, что понятие романтизма не в полной мере исчерпывает своеобразие их творчества. Хотя оба поэта хронологически вписываются в почти один и тот же временной период (даты их рождения, соответственно, 1890 год и 1899-й), но место каждого из них в литературной истории различно.

К. Иванов как бы **закрывает** своим творчеством дореволюционный период чувашской литературы, в котором известную роль играли фольклорность, этнографизм и складывающееся литературное сознание тесно взаимодействовало с устной народной словесностью. В силу этого поэта К. Иванова более классична, традиционна по отношению к выразительным средствам и в то же время менее личностна. Тяготая к эпическому освоению реальности, поэт, по сути, не обращался к лирическому самовыражению.

И напротив, поэзия М. Сеспеля представляет собой глубоко личностное, субъективное преодоление словесного материала. Ему удалось обновить и арсенал образов, произвести переворот в стихосложении (переход от силлабики к силлаботонике), чеканно сформулировать своего рода философское кредо новой чувашской лирики. Творчество М. Сеспеля **открывает** новый период развития чувашской литературы.

Если и возможно рассматривать обоих поэтов как выразителей романтического взгляда на мир (учитывая некоторое

сходство их поэтик), то все же следует отметить, что они воплощают два до определенной степени противоположных полюса словесного искусства. С нашей точки зрения, К. Иванов является «классическим поэтом» (несмотря на некоторую зависимость от лермонтовской романтической школы), а М. Сеспель — это «поэт-романтик»¹. Именно для К. Иванова характерно: «консервативное, во всяком случае бережное отношение поэта к художественной традиции в области поэтического языка и стиля: в классическом произведении традиция предстанет перед нами не разрушенной, а по-новому углубленной»².

Размышляя над творческими индивидуальностями лукавого и по-народному мудрого стихотворца-наивиста Николая Шелеби, талантливого прозаика 30-х годов Екрема Еллиева, поэта трудной судьбы, но кристально чистой души Васyleя Митты, критик старается проявить непреходящую ценность их исканий, показать актуальность их звучания именно в наше время. Статьи, посвященные этим авторам, невелики по печатной площади, но плотность текста весьма значительна. Концентрированно и сжато проводит свою мысль Ю. Ар-

темьев. И он отнюдь не бесстрастен. За внешней сдержанностью и пиететом перед классикой таится живое освоение наследия в литературе с точки зрения сегодняшнего дня. По отношению к классике Ю. Артемьев не академичен и, с другой стороны, не ставит своей целью популяризаторство. Он старается извлечь актуальные смыслы из классического текста, показать соотношение слова с личностью творца и его внутренним миром, место, занимаемое классикой в непрерывном движении культуры. Его критические опусы являются результатом долгого обдумывания своих суждений и неоднократной проверки их в беззвучном монологе с самим собой. Критик вырабатывает свою точку зрения, и потому он внутренне всегда с кем-нибудь полемизирует. У него есть свои аргументы в споре о наследии в чувашской литературе.

Естественно, что более открыто его полемический темперамент проявляется в статьях о нынешнем положении дел в чувашской прозе. Ю. Артемьев не скрывает своих симпатий и антипатий, он по-хорошему пристрастен к тем произведениям, которые выплывают в русле текущего литературного процесса. Так, он не приемлет «романного бума» в чувашской литературе последнего десятилетия, нарушения логики реалистического повествования за счет резких немоти-

¹ Противопоставление двух типов поэтического творчества в этом плане см. в ст.: В. М. Жирмунский, О поэзии классической и романтической, в его книге «Теория литературы. Поэтика. Стилистика», Л., 1977.

² Там же, с. 135.

вированных поворотов сюжета или же, с другой стороны, включения сырой, непереваренной массы фольклорного материала (легенд, преданий), которые тяжелым балластом ложатся на структуру произведения. Отдельные чувашские прозаики до сих пор берут за основу не лучшие образчики детективно-приключенческого жанра. Эти, а также другие издержки беллетристики пока еще нередки в чувашской прозе. С особой обеспокоенностью критик отмечает наклонности к «легкой» и «занимательной» литературе у молодых авторов («С кем же ты борешься, герой?»). Отсутствие серьезных нравственных целей ведет их к бытовизму, к малопривлекательному рассматриванию под микроскопом душевных изъянов, надломов, нравственных падений. Такая проза бескрыла, она заставляет ползать героев по земле. Авторы почти не оставляют им шансов на очищение, не дают побороться пусть в жестких, но реальных социальных условиях.

Особенно остро критикуется беллетризм в произведениях М. Юхмы — писателя широко известного в республике. В книге дается обстоятельный разбор ряда произведений последних лет этого прозаика (статьи «За правду жизни и выразительность образов», «Сказку сказывал, приговаривал...», «Крепок ли фундамент?»). Следует согласиться с выводом, что, к сожалению, чувашский писатель

вместо серьезного постижения жизни «жадным» захватом все новых и новых тем и жанров лишь пытается компенсировать бесстильность и аморфность своей прозы. В историческом романе «Материнский хлеб» он слепо следует за буквой документа, но это само по себе не может породить полноценный роман. В повести «Лесная книга» назидательно пытается беллетризовать сухую информацию, почерпнутую из справочников по энтомологии и ботанике. Драма «Опора» — дань М. Юхмы производственной тематике, но и она не стала значительным творческим достижением автора.

Анализируя творчество М. Юхмы, а также некоторых других прозаиков (Хв. Агивера, В. Петрова, И. Лисаева, Л. Маяксема), критик убедительно показывает, что беллетризм, хотя как будто и отражает веяния момента (производственная тема, актуальная экологическая проблематика, тяга к художественному осмыслению истории), на самом деле вторичен и беспомощен в постановке этих действительно насущных вопросов нашего времени. Писатели-беллетристы спешат, они слепо следуют за «модой сезона», пытаются писать «под Распутина», «под Шукшина», забывая о собственном лице, о необходимости обретения своего стиля. Также подчеркнем известную агрессивность псевдолитературы, которая стремится в периферии словесности выйти

на центральные позиции. Все это не может не беспокоить критика, мечтающего о большой чувашской прозе, которая будет способна показать яркие национальные характеры, которая будет иметь свой голос в живом многоголосии национальных литератур страны.

В поле зрения Ю. Артемьева находится и чувашская деревенская проза. Пока тема деревни остается ведущей в творчестве многих чувашских прозаиков, например, таких, как В. Алендей, А. Артемьев и А. Емельянов (статья «Как живешь, сельский труженик?»). Это и понятно. Здесь лежит материал, который хорошо знаком писателям как старшего, так и среднего поколения. Здесь сложились определенные традиции изображения героев и окружающих их обстоятельств, отработаны привычные приемы поэтизации деревенской жизни. Отмечая некоторые успехи деревенской прозы в целом, критик тем не менее видит и лобовое, недialeктическое противопоставление сельского и городского образа жизни (когда любой горожанин на селе изображается чуть ли не как пугало и бездельник), попытки решить проблемы хозяйственные, показать меняющийся облик села без глубокого художественного проникновения в суть конфликтов.

Оценки критика по большей части точны и справедливы, потому что он при анализе от-

дельных произведений исходит из цельного образа автора. Ю. Артемьев отдает предпочтение синтезирующей манере письма, стараясь обнаружить основные тенденции, силовые линии текущего литературного процесса, ища выход во всеобщий контекст. Взвешенность оценок в этой книге проистекает и из того, что автор держит в оперативной памяти лучшие образцы русской прозы последних лет. А это означает, что критерий выбран высокий.

Критик апеллирует к интеллектуальному читателю, и в то же время стиль его сохраняет всю живость разговорной интонации, доверительность тона. Часто он прибегает к приему иронического комментирования текста, что дает своеобразный эффект остранения и выпукло представляет художественные слабости псевдолитературной беллетристики.

Небольшая по объему книга Ю. Артемьева — это и заявка на своеобразную концепцию романтизма в чувашской литературе, и критические разборы текстов произведений, и добрый отклик на книгу очерков и эссе известного чувашского этнолога Г. Волкова, а также трезвое, веское суждение о поисках молодого поколения в чувашской поэзии. Она представляет нам критика, имеющего свой характер, умеющего видеть все пространство постигаемой литературы.

А. ХУЗАНГАЙ

г. Чебоксары